

Сихха — в мусульманской этической и религиозно-правовой мысли категория, буквально означающая “правильность” и определяющая выполненность всех условий действия, необходимую, чтобы такое действие было засчитано как совершенное (см. *Мусульманская этика*). В этике правильность предполагает прежде всего сочетание намерения с действием, при котором намерение непосредственно вызывает и сопровождает действие, а также ориентированность намерения на полезное, а не вредное (см. *Манфа‘а*). Намерение как бы утверждает действие, и без намерения действие не может состояться. Это не значит, что действие “не случится”: оно произойдет, но не имея в своем основании должного намерения, оно как бы не будет утверждено в бытии, не состоится и пропадет. Этот комплекс идей и мыслится в понятии С. Только правильное (сахих) действие засчитывается как совершенное. Действие и намерение оказываются определяющими не только осмысленность друг друга как понятий; эта взаимная связанность идет дальше и захватывает зависимость правильности одного от правильности другого, что, впрочем, оказывается лишь логическим следствием первого. Действие обретает свою действительность, свое право быть (свою утвержденность в бытии благодаря своей правильности) не внутри самого себя, а благодаря соединенности с тем, что как бы неотъемлемо от его собственной осмысленности, но в то же время не является им самим — благодаря связанности со своим намерением.

Иллюстрацией может служить следующий пример. В исламе признаются два типа молитвы: “ритуальная” (салāt), совершаемая коллективно (если это возможно) пять раз в день, и “мольба” (ду‘ā’), с которой мусульманин в принципе может индивидуально обращаться к Богу в любой момент и форма которой в таком случае не регламентирована. Вся процедура ритуальной молитвы (очищение перед молитвой, время, слова, движения) жестко определена и должна неукоснительно соблюдаться, а малейшее ее нарушение имеет своим следствием недействительность молитвы: такая неправильная, несостоявшаяся молитва должна быть компенсирована в другое время. Однако даже для такого, казалось бы, ориентированного на соблюдение внешней формы действия соблюдение установленных условностей не является ни единственным, ни главным условием правильности. Ритуальная молитва, совершенная без соответствующего намерения, оказывается неправильной, т.е. несостоявшейся, даже если все внешние действия были совершены безукоризненно. Наличие и правильность намерения даже для наиболее формализованных ритуально-религиозных действий, оказывается неременным условием их правильности, т.е., собственно, самой их свершенности как действий. Только полная структура “намерение – действие” оказывается имеющей право на то, чтобы утвердиться в бытии, иначе предпринятые усилия просто пропадают.

Понятие “правильное” в значительной мере совпадает с понятием “хорошее” (хасан), то же касается противоположных понятий “неправильное” и “дурное” (қабих). Поступок с правильным намерением является хорошим, тогда как имеющий неправильное намерение — дурным. Квалификация “правильности-неправильности” намерения может быть распространена не только на поступки, безразличные для Законодателя и потому попадающие в сферу сугубо этического, а не религиозно-правового, регулирования, но и на те, что прямо регулируются ф и к х о м. Именно в том

случае, когда намерение правильно, действие, совершаемое как выполнение непосредственного приказания (напр., обязательная милостыня – *закāt*), оказывается также правильным: правильность намерения определяет и правильность, т.е., собственно, утвержденность в бытии, совершаемого действия. С этой точки зрения этическая квалификация и этическое рассмотрение поступков оказывается не ограничивающейся теми случаями, что как бы выпали из поля зрения Законодателя, но имеют вполне универсальный характер.

Вместе с тем возможны случаи, когда поступок оказывается правильным, но может быть объявлен дурным с точки зрения морали. Это расхождение касается прежде всего широко распространенной в средние века практики “уловок” (*хйял*), состоявшей в том, что запрещенный законом результат (напр., получение ссудного процента) достигался в результате не одной сделки, а целой их последовательности, где каждая отдельно взятая операция была совершенно законной. Поскольку фикх рассматривает каждое действие в его собственных границах, не обращая, как правило, внимания на общую связь последовательности действий, такие многоступенчатые сделки объявлялись правильными. Однако если принять во внимание намерение, к-рое побудило к действиям, то поступки оказываются дурными, и известны многочисленные осуждения практики и теории уловок, хотя такие осуждения не вели, как правило, к юридическим последствиям.

Противоположностью *С.* выступает *ф а с ā д* (неправильность). В религиозно-правовой мысли (фикхе) “неправильность” действия может рассматриваться как результат несоблюдения всех или части “условий” (*шурӯт*), напр., условием продажи является информированность покупателя о дефектах товара, и при его несоблюдении сделка считается “неправильной” и должна быть расторгнута. В этике действие считается “неправильным” (*фāсид*) в силу “неправильности” движущего им намерения, которое квалифицируется как таковое на основе утилитаристской (см. *Манфа‘а*), апроприаторной (см. *Мақлаха*) или аффективной (см. *Хāл*) классификаций. Понятие “неправильное” близко к понятию “дурное” (*қабīх*), не совпадая с ним.